

Р.Л. Розенфельдт

**Московское керамическое производство
XII –XVIII вв.**

Археология СССР Серия Е1, выпуск 39

УДК 902
ББК 63.4
Р11

Р11 **Р.Л. Розенфельдт**
Московское керамическое производство XII –XVIII вв.: Археология СССР Серия Е1, выпуск 39 / Р.Л. Розенфельдт – М.: Книга по Требованию, 2024. – 99 с.

ISBN 978-5-458-40172-2

Монография Р.Л. Розенфельдта посвящена производству керамики в Москве на основе коллекции, насчитывающей более 300 тыс. обломков и несколько сот целых сосудов и изделий. Эта коллекция отражает многообразие форм московской керамики в течение всего времени существования города. Особое внимание исследователя было обращено на «замкнутые» комплексы (в том числе на монетные клады в сосудах), позволяющие не только относительно узко датировать посуду, но и получать представление об ее ассортименте в разное время. В работу не включены поливные изразцы второй половины XVII в. с "фряжским орнаментом", а также расписные изразцы XVIII в. Также опущен раздел о московском кирпичном производстве.

ISBN 978-5-458-40172-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

МОСКОВСКАЯ КЕРАМИКА ДОМОНГОЛЬСКОГО ВРЕМЕНИ

Наиболее раннюю группу московской керамики составляет так называемая керамика курганного типа¹. При раскопках в городе эта керамика была найдена в минимальном количестве (несколько сот фрагментов) в древнейших горизонтах культурного слоя Москвы, в раскопах, заложенных на территории Зарядья и в Кремле. От общего количества изученной керамики города она составляет не более 0,5%.

На основании больших серий сопровождающих вещей она датируется XII—XIII вв.² и является обычной древнерусской керамикой городского типа, сходной с керамикой домонгольского времени таких городов, как Рязань, Чернигов, Смоленск. Вся керамика, собранная в Москве в слоях домонгольского времени, изготовлена на ручном круге. Сосуды, найденные в нижних слоях Зарядья и Московском Кремле, имеют вполне развитые формы, свидетельствующие о том, что они не принадлежат к ранним группам древнерусской керамики и очень далеки как от сосудов «гнездовского типа», так и вообще от любой другой группы древнерусской керамики X — первой половины XI в. Ближайшие аналогии московской керамике домонгольского времени как по форме сосудов, так и по профилировке венчиков отыскиваются среди хорошо известной керамики из вятичских и кривичских курганов Подмосковья, которые в подавляющем большинстве датируются XII—XIII вв.³ Это и естественно, ибо керамика этих курганов современна московской и изготовлена в той же технике, что и у московских гончаров. Сходно было и сырье, которое шло на изготовление сосудов. Керамика подмосковных курганов, как и ранняя московская керамика, разнообразна по профилировке венчиков и по пропорциям сосудов (табл. 1, 1—4, 7, 8, 14, 16).

¹ Термин «керамика курганного типа» принят нами условно, как уже вошедший в литературу для обозначения московской керамики XII—XIII вв. В свое время он свидетельствовал о лучшей изученности керамики подмосковных курганов, с которой сравнивалась московская керамика домонгольского времени.

² Р. Л. Розенфельдт, 1957; Т. В. Равдина, 1963, стр. 98; Р. Л. Розенфельдт, 1964, стр. 220—224.

³ Т. В. Равдина, 1965.

Вся керамика, обнаруженная в слоях домонгольского времени в Зарядье и в Кремле, изготовлена из красножгущихся глин.

Сосуды XII—XIII вв., встреченные при раскопках в Москве, были обожжены в горнах. Несмотря на это, стенки их прокалены плохо, нередко в изломе черепка видна серая полоса плохо прокаленной керамической массы. Температура обжига сосудов была 600—700°. Обжиг был кратковременным, и поэтому хорошо прокаливалась только наружная поверхность сосуда. Для улучшения качества обжига гончары подбирали легкоплавкие сорта глин. Москва в XII в. была относительно небольшим городом, и керамическое производство в ней стояло на более низком уровне, чем в Киеве, Рязани и Чернигове, где сосуды, как правило, прокалены были лучше, что, по-видимому, связано с большим объемом там керамических горнов. В этих городах посуда изготовлялась более крупными партиями. Московская керамика домонгольского времени по плотности черепка и по температуре обжига стояла выше керамики деревенской, которая встречается в подмосковных курганах, по внешнему же виду очень похожа на нее.

Ведущей формой в керамике курганного типа Москвы является горшок. Обломки горшков составляют подавляющее большинство среди керамики, найденной в слоях XII—XIII вв. в Москве. При раскопках в Москве не удалось собрать ни одного целого горшка XII в., но форма сосудов этого типа легко устанавливается как по материалу, так и по аналогиям с керамикой подмосковных курганов. Московские горшки домонгольского времени имеют тулово с максимальным диаметром в верхней трети. Пропорции сосудов различны, есть среди них высокие и низкие, но этот характерный признак наблюдается почти у всех разновидностей горшков этого времени.

По пропорциям тулова горшки XII — первой половины XIII в. можно разделить в основном на три группы: сосуды с высотой, примерно равной максимальному диаметру горшка (таких сосудов подавляющее большинство), сосуды с высотой, превышающей диаметр, и сосуды низкие, типа мисок, но имеющие горшкообразную форму, с высотой,

равной примерно половине максимального диаметра сосуда. Обломки таких сосудов встречаются редко. Горшки-миски этого типа имеют максимальный диаметр уже не в верхней трети сосуда, а по венчику, который бывает обычно значительной высоты и сильно отогнут наружу. Сам венчик часто имеет вид низкой конической воронки. Горшки первого типа употреблялись для приготовления пищи. На них часто видны остатки нагара и завершенность. Горшки-миски служили для еды. Как показали раскопки в Новгороде, посуду для еды в X—XIII вв. делали преимущественно из дерева, глиняные миски не имели тогда широкого распространения. Выделяются и встречающиеся относительно редко большемерные горшки с высотой, превышающей на $\frac{1}{4}$ максимальный диаметр сосуда. По-видимому, они служили в основном для хранения запасов, хотя на некоторых и встречаются следы копоти и нагара.

Формы венчиков горшков первого типа разнообразны и иногда зависели от искусства гончара, его «почерка» работы. Среди известного многообразия их, однако, отмечаются и характерные. Наиболее распространенной формой венчика московских горшков является отогнутый наружу венчик, край которого слегка приподнят кверху и завернут. Обрез его округлый (табл. 2, 1 А). Этот тип венчика вообще характерен для древнерусской городской и деревенской керамики XII—XIII вв. Он необычайно разнообразен в деталях (в зависимости от угла наклона венчика по отношению к обрезу края горшка или от характера отгиба его края) и известен в различных модификациях. Специфичным для него является наличие на внутренней поверхности небольшой канавки, получавшейся за счет загиба внутрь края венчика. Такие горшки, как правило, неизвестны среди древнерусской керамики X—XI вв. Для последней характерны венчики без канавки и без припухлости по краю, часты венчики с острым краем. Употребление горшков с венчиком такого типа преимущественно для приготовления пищи подтверждается не только наличием на них завершенности и нагара, но и тем, что в более позднее время, когда для иных целей вырабатываются новые типы сосудов, для варки пищи употребляются красноглиняные горшки с венчиками, которые генетически увязываются с этой формой венчика сосуда домонгольского времени.

Вторую довольно распространенную группу образуют венчики простой конфигурации (табл. 1, 9 Ж, 3, К, Л, Р). Они есть у сосудов средних пропорций как XII, так и XIII в. Этого рода венчики известны в древнерусской керамике XI в., встречаются они и у сосудов XIV в., преимущественно маломерных. Венчики эти есть и у подмосковной курганной керамики XII—XIII вв. Сосуды с такими венчиками употреблялись и для варки пищи; на некоторых из них есть следы нагара.

Еще реже среди московских горшков бытовали разновидности горшков с оттянутым кверху венчиком и горшки с высокой шейкой. Это тоже весьма характерный вид венчика, встреченный в большом числе среди керамики как подмосковных курганов,

так и крупных древнерусских городов. Сосуды с высоким венчиком известны в керамике Новгорода, Рязани, Киевщины в XII—XIII вв.⁴ Некоторые из них отдаленно напоминают кувшинообразные сосуды. Горшки с такими вытянутыми вверх венчиками, поставленными вертикально, употреблялись, по-видимому, для отстоя молочных продуктов и по назначению своему напоминают современные кринки. Наряду с этими тремя основными формами венчиков у московской керамики XII—XIII вв. встречаются и другие, менее распространенные разновидности, венчики переходного типа между указанными выше формами. Выделение разновидностей их следует отложить до накопления более обширного материала. У больших сосудов для хранения запасов венчики простые или с усиленным краем, гораздо более массивным, чем стенки.

Среди московских горшков преобладают сравнительно крупные экземпляры с диаметром венчика от 18 до 24 см при высоте сосудов соответственно в 18—24 см. Более крупные горшки с диаметрами венчиков в 24—26 см имели высоту в 26—30 см. Определенной закономерности между формой венчика и размерами сосуда установить не удалось, не удалось наметить и какой-либо стандартизации в размерах горшков. Разнобой в размерах объясняется, по-видимому, тем, что посуда в это время производилась небольшими партиями, а часть горшков изготовлялась несомненно на заказ. Личный контакт заказчика и ремесленника-гончара перед изготовлением продукции пагубно влиял на начавшуюся стандартизацию сосудов (по их емкости). Большинство же московской керамики в XII—XIII вв. несомненно приобретено у гончаров на рынке⁵; об этом говорит сравнительная редкость клейм на их днищах.

Клейма не отличаются большим разнообразием. Обычны среди них: крест в круге, круг, квадрат с диагоналями и др. В подмосковных курганах этого времени процент клейменой керамики гораздо более высокий, в некоторых группах более половины горшков с клеймами.

Кроме перечисленных, в Зарядье встречаются фрагменты горшков большемерных, с максимальным диаметром венчика до 30—35 см; они служили, по-видимому, для хранения зерна. Венчики горшков имеют характерные признаки, связанные с назначением сосуда и его размерами, они простой формы и массивные. При такой конструкции венчика горшок можно было переносить, взяв его за горловину. Сосуды прикрывались массивными крышками. По сравнению с горшками для варки пищи они имели более вытянутую форму.

Поверхность московских горшков и мисок обычно украшена линейным орнаментом. Реже встречаются горшки с волнистым орнаментом и крайне редко — с отпечатками зубчатого колесика.

Линейный орнамент наносился на верхнюю половину тулова сосуда. Нижняя треть тулова обычно оставалась неорнаментированной. Иногда выше линейного орнамента располагался поясик из косых насечек. Последний тип орнаментации более

⁴ А. Л. Монгайт, 1953, стр. 125.

⁵ Р. Л. Розенфельдт, 1963, стр. 121.

характерен для XIII в. Волнистый орнамент на московской керамике встречается относительно редко и обычно в комбинации с линейным. Волна в орнаменте довольно частая, что характерно для древнерусских горшков XII—XIII вв. Встретилось несколько обломков сосудов, у которых волнистый орнамент был нанесен четырехугольной и пятизубой вилкой. Редко находятся обломки горшков с линейным орнаментом, нанесенным тем же инструментом. Интересен орнамент, выполненный при помощи зубчатого колесика. Как нам удалось проследить на керамических коллекциях Старой Рязани, там он был распространен преимущественно в XII в.⁶ Вероятно, и московские горшки с такой орнаментацией относятся к тому же времени.

Линейный орнамент на московские горшки XII—XIII вв. небольшого размера наносился сравнительно тонким острием (ширина бороздки около 1 мм). На древнерусских сосудах X—XI вв. небольших размеров линейный орнамент прорезан обычно более тупыми остриями, остававшимися на поверхности след шириной в 1,5—2 мм. Для орнаментации большемерных московских горшков XII—XIII вв. продолжали употребляться, как и в X—XI вв. в Чернигове и Смоленске, линейные полоски шириной около 2 мм.

Кроме горшков, при раскопках в Москве в слоях XII—XIII вв. найдены и крышки от них (табл. 1, 5, 12, 17, 18). Все они фрагментарны и имеют вид полых конусов небольшой высоты, в верхней части которых была ручка в виде кольцевого выступа. В некоторых выступах на краю — прорез для привязывания веревкой крышки к горшку. Подобные крышки характерны для городской керамики домонгольского времени и встречены при раскопках в Смоленске, Рязани, Чернигове, Киеве, Новгороде и других городах. Судя по размерам найденных в Москве крышек, они предназначались для сосудов с венчиками диаметром от 18 до 24—26 см. По сравнению с числом сосудов крышек к ним найдено мало, и значительная часть горшков специальных покрытий не имела. Большинство крышек украшено линейным, меньшая часть — волнистым орнаментами. Иногда встречаются в культурном слое и неорнаментированные крышки, так же как и неорнаментированные горшки, преимущественно крупные, XII—XIII вв.

В слоях домонгольского времени крайне редки кувшины. У одного из сосудов сравнительно широкая горловина со сливом и округлое тулово с тремя ручками: одна петельчатая и две — напелы (табл. 1, 6). Второй кувшинчик примерно такой же формы, но без ручек-напелов и с бороздками линейного и волнистого орнамента между туловом и горловиной (табл. 1, 13). От третьего сохранилась лишь горловина (табл. 1, 10).

При раскопках встретилось и несколько мисочек небольшого диаметра (табл. 1, 11, 15, 20). Определенный интерес представляет керамический светильник, найденный в Зарядье (табл. 1, 19). Он похож на керамические светильники киевского типа, но пропорции изделия иные. Светильники

такой конструкции характерны для древнерусских городов домонгольского времени.

В Москве в слоях XIII в. наряду с обычной курганной керамикой встречается и разновидность ее, которую М. Г. Рабинович называет городищенской керамикой⁷. По сравнению с несколько более ранней московской керамикой «курганного типа» она беднее орнаментирована, часто встречаются неорнаментированные сосуды. Черепок по сравнению с керамикой курганного типа более плотный. Цвет керамики темный. Для изготовления этой керамики употреблялись более песчаные сорта глины. Не исключено, что темную окраску эти сосуды приобретали в результате дополнительной обработки изделений техникой овра. По форме сосуды не отличаются от курганной керамики. М. Г. Рабинович отмечает, что для керамики этого типа характерно наличие у горшков ребра под венчиком. Это не совсем точно, такие ребра встречаются и у курганной керамики, и у керамики гораздо более позднего времени.

Во второй половине XIII в. население Москвы сильно увеличивается, керамическое производство быстро развивается для удовлетворения возросшего спроса населения. Количество курганной и городищенской керамики в это время резко идет на убыль, и на смену ей появляются большие партии красноглиняной керамики, которая по качеству обжига резко отличается от более ранней керамики. Быстро растет ассортимент сосудов.

Ранние периоды истории московского керамического производства — XII—XIII вв. пока не могут быть охарактеризованы с надлежащей обстоятельностью из-за недостатка источников.

Судя по известной однородности встреченного в Москве керамического материала этого времени, керамическое производство размещалось в одном месте. Это подтверждается и тем, что в более позднее время город снабжался керамикой из одного пункта — из Яузской гончарной слободы. Чтобы предположительно указать место размещения гончаров, нужно проследить, где вообще располагались они на всяком древнерусском поселении. Гончарное ремесло в XI—XIII вв., да и в более позднее время, считалось огнеопасным и поэтому удалялось от жилья на край поселения. Поэтому, чтобы установить, где жили гончары в Москве, необходимо определить примерные границы поселения в XII—XIII вв. В XIII в. с востока границей Москвы был ров, проходивший по линии современных проездов Куйбышева и Псковского переулка. С юга границей города была р. Москва, с северо-запада — р. Неглиная. Нет оснований предполагать, что гончарное производство в домонгольское время в Москве могло размещаться в Занеглинянне или Замоскворечье. Районы эти начинают застраиваться поздно. Кроме того, там нет выходов хороших горшечных глин. Левый берег Москвы сверху прикрыт мощными слоями песка с гравием и по характеру природных условий не похож на район, в котором могло размещаться керамическое производство.

При равных прочих условиях при размещении гончаров учитывались и ветры, господствующие в

⁶ А. Л. Монгайт, 1955, стр. 117.

⁷ М. Г. Рабинович, 1949.

данной местности, так, чтобы поселение не располагалось с подветренной стороны по отношению к горнам. В Москве это были ветры юго-западные и западные. В соответствии с таким направлением ветров в Москве в более позднее время, чем домонгольское, кузнечные и гончарные слободы располагались обычно на восточной или северо-восточной окраинах города (Кузнечная слобода в районе современной улицы Кузнечный мост, Яузская гончарная слобода на холме при впадении р. Яузы в р. Москву). Там, где это удается проследить, в подобных условиях располагались гончары и кузнецы на других поселениях. Так, на Видижском городище гончарный горн был размещен на северной окраине поселения (господствующие ветры — южные, юго-западные). На северной окраине Вереи располагался горн, обнаруженный Л. А. Голубевой (господствующие ветры южные). Гончары предпочитали селиться неподалеку от залежей горшечной глины — «глиниц». В Москве известно несколько урочищ с названием «Глиница». Одно из них было к югу от современной ул. Богдана Хмельницкого, на территории Глиницянского переулка. Ранее он носил название Спасо-Глиницянского, по имени церкви Спаса на Глиницах, первое упоминание о которой относится к 1460 г.⁸ Название урочища, где построена эта церковь, еще более древнее. В этом районе еще в XVIII в. находился огромный карьер. Осмотр траншей, проведенных в 1954 г., показал, что под современным покрытием переулка залегают мощные пласты красножгутистых глин типа суглинков. Культурный слой по линии траншей отсутствует.

Другое урочище «Глиница» располагалось в древности на территории Китай-города, в восточной части современной улицы Раина, рядом с церковью Троицы в Никитниках. По преданию, ранее здесь стояла церковь Никиты на Глинице⁹. И это, по-видимому, не случайно, так как св. Никита в Москве в XV—XVII вв. считался патроном московских гончаров. В более позднее время церковь этого святого стояла в центре Яузской гончарной слободы. Возможно, она была перенесена сюда из Китай-города.

Два урочища с названием «Глиница» располагались в Москве на территории Белого города, одно — у Колицкого переулка, где ранее была церковь св. Алексея на Глинице (1621 г.). Глины здесь начали разрабатываться в XVI—XVII вв. Второе урочище «Глиница» также позднее. Рядом с ним была церковь Преображения Господня на Глинице. Из всех урочищ с названием «Глиница» ближе всех располагалось к древнейшему центру города урочище в восточном конце современной улицы Раина. Не исключено, что именно поблизости от этого места и жили московские гончары в домонгольское время, снабжавшие город керамикой. Это место имело и достаточно удобный рельеф. Здесь высокий подветренный берег, на котором обычно и размещались горны гончаров. Наличие всхолмлений и откосов облегчало работу по сооружению горнов. Подветренность участка способствовала улучшению тяги.

⁸ АЮБ I, стр. 553.

⁹ «История русской архитектуры», стр. 111—113.

Очевидно, гончарство в домонгольской Руси было первоначально занятием сезонным. Гончары были тесно связаны с сельским хозяйством и занимались ремеслом в свободное от полевых работ время. Для производства керамических изделий требовалась особая глина. Заготовки ее были сопряжены порою с большими трудностями, и особенности у гончаров равнинных поселений, где глина залежала под слоем балласта и где для добычи ее приходилось отрывать глубокие ямы и штольни. Работы по заготовке глины здесь обычно велись зимой, когда уровень грунтовых вод бывал пониженным. Гончары, располагавшие выходами глины на поверхность, заготавливали ее в любое время года по мере надобности. В Москве, по-видимому, преобладал последний способ заготовки глины. Московские гончары XII—XIII вв., судя по изделиям, брали глину из верхних слоев месторождений, и она нередко оказывалась загрязненной разнообразными примесями.

При повышенной жирности в глину для отощения добавляли песок. Современные гончары жирную глину называют обычно «буйной», и песок добавляют для ее «смирения». Другой примесью при производстве бытовой керамики в Москве и Подмоскowie, в особенности для большемерных сосудов, была древесина. Она получалась из гранитных валунов, которые раскаливались в огне, а затем обливались водой. Камни распадались на отдельные кристаллы. Древеса толкались в ступах. Несмотря на грубость, она была высококачественной примесью при производстве керамических сосудов. Угловатость ее зерен обеспечивала минимальную усадку сосуда при обжиге. Приготовление этой примеси было делом трудоемким. Отрицательное качество древесины — ее крупнозернистость, из-за чего поверхность сосудов обычно имела неряшливый вид. Впрочем, как примесь древесины в отдельных районах применялась чуть ли не до XX в. В Москве использование древесины прекращается в XIII в.

Глина перед формовкой сосуда тщательно перемешивалась с примесями, количество которых иногда составляет (по весу) не менее 10% от массы керамического теста. Вся московская керамика XII—XIII вв. изготовлена на круге. Судя по этнографическим материалам, это был ручной гончарный круг тяжелого типа, в виде массивного деревянного диска, надетого на штырь, неподвижно закрепленный в конце низкой скамьи или на обручке дерева. Такой круг до недавнего времени бытовал в Подмоскowie, на Смоленщине и в Рязанской земле. Сосуды на дне имели подсыпку песка или золы, они были изготовлены ленточной техникой. Следы распада сосудов по линии скрепления лент можно проследить в Москве не только на сосудах XII—XIII вв., но и более позднего времени. Трудно сказать что-либо определенное о подготовке глиняного теста, о выдерживании его. После нанесения орнамента формованные сосуды подсушивались и шли на обжиг. Орнамент на сосудах наносился заостренной палочкой, многозубой вилкой, реже зубчатым орнаментальным колесиком. Из других инструментов при формовке со-

суда употреблялись, судя по этнографическим аналогиям, деревянные ножи и скребки, которыми проводилась оправка сосуда, профилировка венчика.

Вероятно, производство керамики в Москве в XII—XIII вв. было избуем и велось в том же доме, где жила семья гончара. Обжиг московской керамики курганного типа производился в керамических горнах.

Рассмотрение конструкций керамических горнов домонгольского времени на территории лесной зоны Восточной Европы (преимущественно в районах, прилегающих к Москве), а также более поздних по времени обжигательных печей как в самой Москве, так и в ее ближайших окрестностях позволяет думать, что горны московских гончаров XII—XIII вв. были глинобитными, овальными в плане, двухъярусными, с расположенной внизу топкой и сверху обжигательной камерой. Вместимость их небольшая. Судя по продукции, процесс обжига в них был кратковременным и шел при температуре около 600°. Высказывались предположения о том, что значительная часть городской керамики и особенно деревенской обжигалась в бытовых печах жилищ. Думается, что такой обжиг не мог иметь широкого распространения в домонгольское время, в частности в Москве. Плохое качество обжига сосудов этого времени достаточно хорошо известно и за пределами Москвы, в том числе и на поселениях, где горны найдены при раскопках, например на Вицижском городище. Это объяснялось несовершенством конструкций горнов и главным образом небольшими размерами их: в таких горнах из-за большой теплоотдачи нельзя было достичь высокой температуры. Ограниченное количество посуды, выпускаемой гончаром XII—XIII вв. в небольших городах и сельских поселениях, не стимулировало сооружения крупных горнов, поэтому керамика хорошего обжига встречается на Руси преимущественно в крупных городах (чем она и отличается от деревенской). Древнерусские бытовые печи домонгольского времени,

небольшие по размерам, были почти непригодны для обжига керамики. Наличие такой печи в небольшом жилище помещении не способствовало массовому обжигу керамики. Этнографические примеры обжига керамики в недавнем прошлом в печах жилищ должны приниматься во внимание с большими оговорками. Сложенная из кирпича большая русская печь конца XIX в. не может быть сравнима с небольшими глинобитными печами москвичей XII—XIII вв.

Письменные источники того времени совсем не упоминают о гончарах, и потому каких-либо определенных суждений об организации, правовом положении их мы не имеем. Трудно судить и о количестве гончаров, обслуживавших Москву.

Изучение московской керамики домонгольского времени убеждает нас в том, что она в значительной степени как по ассортименту сосудов, так в особенности по технике изготовления отличается от керамики из подмосковных курганов. Однако различия эти в XII в. не настолько сильные, как между керамикой Киева и Киевщины или между керамикой Рязани и Рязанской земли. Разительные отличия начинают появляться только в конце XIII в., когда подмосковная деревенская керамика продолжает сохранять прежнюю технику изготовления, а в городе получает распространение красноглиняная и краснотелая керамика. Интересно и отсутствие в Москве (кроме спорных фрагментов) поливной керамики, довольно характерной для керамического производства южнорусских городов домонгольского времени и встречаемой в ряде севернорусских городов в слоях домонгольского времени. В быту зажиточных слоев населения Москвы было немного привозной амфорной керамики. Несколько фрагментов корчаг найдено при раскопках на территории Московского Кремля. Их можно датировать второй половиной XII — первой половиной XIII в.¹⁰

¹⁰ А. Л. Яковлев, 1951, стр. 340—341.

Глава II

КРАСНОГЛИНЯНАЯ И КРАСНОЛОЩЕНАЯ КЕРАМИКА конца XIII — начала XVI в.

Красноглиняная керамика — одна из основных групп московской керамики в XIV — XV вв. Она появляется в Москве в самом конце XIII в. и по формам сосудов связана с городской керамикой XII в. и керамикой курганного типа, являясь результатом их дальнейшего развития. Одновременно с ней в быт москвичей проникает и парадная разновидность ее — краснолощенная. Техника изготовления краснолощенной керамики, если исключить лощение, одинакова с техникой изготовления красноглиняной керамики. Последняя употреблялась преимущественно в качестве кухонной посуды.

Красноглиняная и краснолощенная керамика изготовлялась из красножгущихся глин. Наиболее известные месторождения их в городе были на Яузском холме, где размещалась одна из древнейших ремесленных слобод города — Гончарная слобода. Для формовки сосудов шла глина хорошего качества средней запесчанности. В качестве примеси в керамическое тесто употреблялся только песок. Все сосуды, входящие в эту группу, кроме маломерных, изготовлены на ручном гончарном круге техникой налепа. При равных размерах сосудов с курганными красноглиняные и краснолощенные имеют более тонкие стенки. На днищах сосудов подсыпка речного песка; изредка встречаются и клейма; обычно это крест в круге. Гончары, ставившие клейма на посуде, по-видимому, к этому времени уже имели неясное представление о назначении их и делали это по традиции¹. После формовки сосуды украшались линейным орнаментом, а краснолощенные, кроме того, и наколами косо поставленной многозубой вилки, вытянутыми в поясик. После подсушки сосуды, предназначенные для столового обихода, лощились. Лощение производилось окатанной галькой. На поверхность сосуда лощение наносилось узкими параллельными полосами. Направление лощения вертикальное или косое. Полосы лощения, как правило, не пересекаются, ширина их от 1,5 до 2—5 мм. Длина пролощенных полос не более 6—8 см. Тщательно вылащивалась верхняя, лучше

видимая часть тулова сосуда. Если лощился большой сосуд, то лощение наносилось отдельными расположенными по вертикали зонами (табл. 24, 8). На сосудах типа кувшинов иногда встречается под горловиной вылощенный узор в виде волны. Сосуды XIV в., как правило, имеют хорошее лощение, а XVI в. — неряшливое. Ряд сосудов, которые в раннее время лощились обязательно, позже лощения не имеют. Не встретилось ни одного сосуда с лощением, нанесенным на внутреннюю поверхность. По окончании просушки сосуды обжигались в горнах.

Известно до десяти горнов в Москве и за ее пределами, в которых обжигалась красноглиняная и краснолощенная керамика. Судя по совместному нахождению в ямах для брака красноглиняной и краснолощенной керамики, обе разновидности этой посуды делались одними и теми же гончарами и вместе обжигались. Много такой бракованной керамики встречено при раскопках на территории Яузской гончарной слободы, где она и производилась. В Москве существовало несколько разных конструкций горнов для обжига красноглиняной и краснолощенной керамики. Наиболее ранние горны, датируемые XV — первой половиной XVI в., были открыты в Заяулье при раскопках ГИМ 1946 г.² В западной, наиболее древней части гончарной слободы было обнаружено пять горнов сходной конструкции. Они круглые в плане и двухъярусные, сложены из сырцового кирпича и глины. Под обжигательной камеры их обычно подпирали «козлом». Диаметр пода обжигательной камеры в таких горнах достигал полутора метров. Два из этих горнов расположены таким образом, что топились из одной горновой ямы. По сравнению с горнами домонгольского времени они больших размеров, что давало возможность достичь в них более высокой температуры.

Близкие по конструкции горны для обжига такой же керамики встретились и за пределами Москвы. В 1947 г. на Рузском городище был открыт глинобитный двухъярусный горн с диаметром пода в

¹ Р. Л. Розенфельдт, 1963.

² В. А. Мальм, 1949, стр. 44—51.

110 см. Автором раскопок этот горн датируется XIV—XV вв.² В 1948 г. в Болгарах, где широко распространена красноглиняная и краснолощенная керамика типа, сходного с московской, были открыты четыре горна в ремесленном районе, занятом производством керамики. Все эти горны двухъярусные, сложенные из сырцовых кирпичей, округлые или овальные в плане, с диаметром обжигательной камеры в 2—3 м². Температура обжига в них колебалась от 800 до 900°. Хорошей сохранности глинобитный круглый в плане двухъярусный горн был найден во Владимире в 1955 г. Диаметр его обжигательной камеры 145 см. Рядом с горном было найдено много красноглиняной и краснолощенной керамики XIV—XV вв. Бытовавшая в это время во Владимире красноглиняная и краснолощенная керамика сходна с московской не только по технике изготовления, но и по ассортименту сосудов, по приемам орнаментации изделий³.

Большой размер горнов в XIV—XV вв. говорит о том, что ремесленники-керамисты этого времени значительно меньше уделяют внимания земледелию, керамическое производство становится для них основным источником дохода. Их уже не могут удовлетворить небольшие горны, рассчитанные на одновременный обжиг всего лишь двух десятков горшков. В горнах XIV—XV вв. можно было обжигать сразу более сотни сосудов. Крупные горны несомненно экономичнее мелких. Вместе с тем гончары в это время за счет увеличения скорости ручного круга и повышения мастерства формовки осваивают изготовление тонкостенной керамики. На единицу объема сосуда этого типа шло гораздо меньше глины, и изделия можно было легче прокалить в горнах.

Впервые московские гончары упоминаются в известной духовной грамоте Андриана Ярлыка (1460 г.)⁴, когда один из них, нуждаясь в деньгах, просил взаймы их у этого монаха, жившего в Андрониковом монастыре. Именно по соседству с этим монастырем, на территории Яузской гончарной слободы, и было сосредоточено производство красноглиняной керамики. Впервые эта слобода упоминается в 1547 г.⁵ в связи с большим пожаром, который был в этом районе. «Погоре гончары и кожевники вниз возле реку Москву», — сообщали об этом московские летописи. Однако заселенность этого района устанавливается и более ранними документами. О существовании здесь церковного прихода свидетельствует летопись, которая сообщает под 1476 г. о церкви «Никиты святого иже за Яузой»⁶. Время поселения гончаров в Заяузье, судя по материалам раскопок, может быть отнесено к XIV в. В это и несколько более позднее время была заселена только западная часть Яузского холма. Здесь и встретились наиболее ранние глинобитные горны. Поселение гончаров располагалось на вершине холма, по гребню которого в направлении с востока на запад проходила основная улица

слободы. К несколько более позднему времени относятся и пять кирпичных горнов для обжига красноглиняной керамики, открытые на территории Яузской гончарной слободы. Один из них был раскопан М. Г. Рабиновичем в 1946 г.⁷, три — автором в 1954 г. и один найден случайно и не раскапывался⁸. Все эти горны тоже конструктивно сходны. Они кирпичные, прямоугольные в плане, вытянутые, с выносными топками и с одним или двумя топочными каналами, расположенными под обжигательной камерой. Горны сложены из большего и меньшего кирпича. Длина горнов без топки 150—350 см. Горны близки между собой не только конструктивно, но и по материалам, употребленным на их сооружение. В топке одного из горнов встретились два испорченных при обжиге красноглиняных лощенных кувшина с яйцевидным туловом и хорошо выделенной горловиной, четыре чернолощенные сферические миски, обломок чернолощенной кубышки и три обломка ранних белоглиняных горшков, один из которых был с линейным орнаментом, второй с волнистым и третий без орнамента. Там же был найден и кувшин-кружка из красной глины, покрытый пятнами белого ангоба. В жилых кварталах Москвы керамика такого типа стратиграфически датируется XV—XVI вв., по форме последний сосуд характерен для XVI в. Неподалеку от горнов находилась яма с бракованной керамикой. В ней были преимущественно красноглиняные и краснолощенные сосуды. В той же яме встретились ранние формы белоглиняной, ангобированной и чернолощенной керамики. Эти горны служили для обжига как красноглиняной, так и белоглиняной, ангобированной и чернолощенной посуды. По совокупности находок горны должны быть датированы первой половиной XVI в. Они несомненно совершеннее и технически более продуктивны, чем более ранние круглые глинобитные горны. В них можно обжигать крупные керамические изделия. Автор полагает, что появление кирпичных горнов на Яузской слободе можно связывать и с распространением в Московском государстве для наружного декора монументальных зданий больших керамических орнаментированных плит, которые появляются в 80-х годах XV в. Такие плиты невозможно обжечь в глинобитных горнах старой конструкции.

Как уже отмечалось, в Москве красноглиняная и краснолощенная керамика появляется в самом конце XIII и начале XIV в.⁹ В это же время подобная керамика появляется и в других городах средней полосы. Она найдена в слоях этого времени в Суздале, Ярославле, Владимире, Звенигороде¹⁰. Производство красноглиняной и краснолощенной керамики возникло первоначально в Болгарах, где оно известно с XII в. и где оно так же, как в Москве, явилось дальнейшим развитием местного керамического производства. Не исключено определенное воздействие болгарского

² Л. А. Голубева, 1953, стр. 100—161, рис. 5, 6.

³ З. А. Акчурина, 1950, стр. 69—74.

⁴ В. В. Седов, 1958, стр. 78—83.

⁵ АОБ, т. I, стр. 554.

⁶ ААЗ, т. I стр. 87.

⁷ ПСРЛ, т. VIII, стр. 182.

⁸ М. Г. Рабинович, 1947.

⁹ Р. Л. Розенфельдт, 1959.

¹⁰ М. Г. Рабинович, 1954, стр. 79.

¹¹ Н. Н. Воронин, 1949, стр. 186; Б. А. Рыбаков, 1949, стр. 130; А. Ф. Дубынин, 1945, стр. 91—99.

керамического производства на керамические производства более западных по отношению к нему районов, и в частности на керамические производства Москвы и Звенигорода. Летописные известия XIV в. сообщают о походах московского и звенигородского князей в пределы Болгарского царства. Особенно успешным был поход звенигородского князя Юрия Дмитриевича на Волжских Болгар в 1396 или 1399 г., когда войско князя «шедше взяща град Болгары и Жукотин и Казань и Керемечук и иных много градов и пребывашо три месяцы воююще и пленяше землю их и возвратишася со многым богатством во свояси»¹². В это же время Суздаль и Городец были присоединены к Московскому княжеству. Нижний Новгород был покорен сыном Дмитрия Донского Василием. Возможно, тогда были пленены и болгарские гончары, которые затем были вывезены в Московское и Звенигородское княжества. В обработке ряда московских краснолощенных сосудов XIV—XV вв. чувствуется их влияние: те же приемы ориентации, то же расположение зон лощения на сосуде. Однако это не было основной причиной появления в Москве новой, более высокой керамической техники. Она возникла как результат развития местного керамического производства, пытающегося удовлетворить возросшие запросы быстро развивающегося и крепнущего города.

Изучение датировок керамики, входящей в эту группу, впервые было предпринято А. Ф. Дубыниным при работе над материалами из раскопок в Суздале¹³. А. Ф. Дубынин связывал находку этой керамики с постройкой, которая датируется XIII—XIV вв. В другом месте той же работы эта керамика автором датирована XIV—XV вв. В результате работ Б. А. Рыбакова в Звенигороде в 1943—1945 гг. датировка краснолощенной керамики была уточнена¹⁴. Несколько обломков красноглиняных и краснолощенных сосудов были найдены в подошве вала в погребенном культурном слое предшествующего времени и в насыпи вала. Укрепление же Звенигородского городища, как это доказал Б. А. Рыбаков, могло относиться к единственной кратковременной поре расцвета этого города при Юрии Дмитриевиче (1384—1434 гг.). В ранних своих работах М. Г. Рабинович обосновательно определяет появление краснолощенной керамики в Москве серединой XVI в. и пишет, что производство ее достигло расцвета в XVII в.¹⁵ В более поздней работе он отмечает, что хорошей сохранности большой краснолощенный кувшин был найден в Москве, в Зарядье, в горизонте ниже пожарной прослойки 1468 г., под зданием XV в.¹⁷ Время появления красноглиняной и краснолощенной керамики в Москве проверено нами на основании материалов раскопа 8 1954 г. в Зарядье. Особенностью его было интенсивное отложение горизонтов культурного слоя конца XIII в. и начала XIV в., что дало возможность подробно

ознакомиться с красноглиняной керамикой этого времени. В вышележащем перекрывающем горизонте было найдено несколько фрагментов поливной среднеазиатской керамики XV в. и стеклянные иконки XV в. В слое с красноглиняной керамикой встретились синие шаровидные стеклянные бусы XIV в., стеклянные перстни, литейная форма начала XIV в. и другие хорошо датированные находки. Прекращение бытования в Москве красноглиняной и краснолощенной керамики на основании стратиграфических наблюдений определяется хорошо. Это первая половина XVI в. То же подтверждается материалами раскопок на Яузской гончарной слободе, где пока не найдено ни одного горна второй половины столетия, в которых обжигалась краснолощенная керамика. Причиной прекращения производства красноглиняной и краснолощенной керамики в Москве было появление лучшего качества белоглиняной керамики, которая вытеснила керамику красноглиняную. В это же время постепенно прекращается производство посуды на Яузской гончарной слободе.

Основной формой московской красноглиняной керамики является горшок. Значительная коллекция обломков ранних красноглиняных горшков была получена при работах в Зарядье. При сравнении красноглиняных ранних горшков XIII—начала XIV в. с московскими горшками курганного и городищенского типов XII—XIII вв. бросается в глаза то, что они по форме почти не отличимы, имеют сравнительно покатые плечики и сходной формы венчики. Орнамент, по преимуществу линейный, покрывал верхнюю часть тулова. Однако сосуды эти значительно отличаются тонкостенностью и обожжены до красного цвета. Среди них встретились обломки горшков для хранения припасов — это сравнительно большие сосуды с диаметром горла до 30 см — и хуже ornamentированные горшки меньшего размера, служившие для варки пицци, на поверхности которых видны копоть и нагар (табл. 2, 2, 4—7, 9, 10, 13). Среди найденных обломков красноглиняных горшков XIV в. подавляющее большинство имеет венчик типа, представленного на табл. 2, 16, в, г, и являющегося дальнейшим развитием формы наиболее распространенного венчика керамики XII—XIII вв. Как мы говорили выше, это характерные венчики горшков для варки пицци. У красноглиняных ранних горшков встречены также венчики и других видов, изображенные на табл. 2, 2. Горшков с такими венчиками во много раз меньше, и они менее характерны для этой группы керамики. Большого разнообразия форм венчиков, которое было у московской керамики курганного типа, в этой группе керамики нет. Форма венчика горшка устанавливается, и в дальнейшем она почти не изменяется.

Среди обломков красноглиняных горшков были обнаружены сосуды с диаметром горла 25—30 см и сосуды с диаметром горла 12—15 см. Количество маломерных горшков по сравнению с более ранним временем увеличивается. Максимальный диаметр тулова сосудов несколько выше, чем у горшков XII—XIII вв. Интересно отметить, что если изменение формы горшка в XIII в. происходит посте-

¹² ПСРЛ, т. XI, стр. 164.

¹³ А. Ф. Дубынин, 1945, стр. 94—95.

¹⁴ Б. А. Рыбаков, 1949, стр. 125—133.

¹⁵ М. Г. Рабинович, 1949, стр. 63.

¹⁷ М. Г. Рабинович, 1954, стр. 75.

пенно, то характер обжига на грани XIII—XIV вв. изменяется резко. В вышележащем слое раскопа 8, который с уверенностью можно датировать XV в., встречаются красноглиняные горшки иного вида. Отличия касаются двух деталей — орнамента и формы венчика. Так, часто встречаются горшки с венчиком вида, изображенного на табл. 2, *1d* и *e*. Эти венчики являются дальнейшим развитием во времени и типологически основного типа венчика красноглиняных горшков предыдущего столетия. Принципиально они не отличаются от более ранних по форме, но постановка их иная. Из косо поставленных они превращаются в вертикальные венчики простой формы с небольшой припухлостью в верхней части на внутренней стороне и небольшой кольцевой канавкой под ней. В связи с изменением постановки венчика изменяется, естественно, и размер горловины горшка, которая при тех же размерах сосуда становится меньшей. Наряду с таким основным типом венчика употребляются, правда, в меньших количествах, и более простые вертикально поставленные венчики без припухлости и канавок. Сколько можно проследить, горшки с такими венчиками обычно (судя по диаметру венчиков) были более крупными и предназначались, по-видимому, для хранения запасов, хотя на некоторых из них и есть следы нагара.

Орнамент на горшках этого типа обычно линейный, к середине XIV в. он собирается в верхней части тулова сосуда, размещаясь на плечиках. Линии орнамента прочерчены острым тонким инструментом (табл. 2, 4, 9, 10).

Московские красноглиняные горшки XV в. известны не только из Зарядья. Они найдены при раскопках Яузской гончарной слободы. Обломки их встретились при реставрационных работах в нижнем горизонте культурного слоя у церкви Николая на Берсеневке и палат Аверкия Кириллова, в Кремле и в районе Самотечной площади. Если большемерные красноглиняные горшки XV в. по пропорциям приближаются к красноглиняным горшкам XIV в., то маломерные горшки того же времени не только имеют (при одинаковых размерах сосудов) сравнительно меньший диаметр горловины, но и сравнительно меньшую площадь дна. Высота венчика тоже уменьшается, горшки становятся более приземистыми. Соотношение максимального диаметра и высоты у сосудов средних размеров 1:1, у сосудов малых размеров 4:3. В это время предпочтительные диаметры венчиков горшков были 7, 10, 13, 15, 22—23, 25, 30 и 32 см. Наиболее распространенными были сосуды с диаметром горла около 24,5—25 см (обмерено 200 венчиков). Они составляют около $\frac{1}{4}$ обмеренных сосудов. Красноглиняные горшки конца XV — начала XVI в. почти не отличаются от красноглиняных горшков XV в. Только среди маломерных горшков начинают встречаться сосуды с вертикально поставленным венчиком, слегка утолщенным внутрь сосуда. Плечики у этих сосудов крутые (табл. 2, *1e*).

Изучение серий красноглиняных московских горшков позволяет сделать вывод о начавшейся

стандартизации керамической продукции. Появляются сосуды со стандартными размерами (диаметрами) венчиков, за которыми чувствуется (учитывая фрагментарность материала) стандартизация размеров горшков в целом. Почти полностью исчезает имевшийся в домонгольское время разнородность в формах венчиков горшков. По-видимому, это объясняется массовостью продукции и тем, что сосуды эти имеют в основном одно назначение (для варки пищи), в то время как горшок домонгольского времени был более универсальной формой посуды.

При археологических раскопках в Москве в слоях XV—XVI вв. встречаются красноглиняные горшки, оплетенные снаружи полосками бересты. Просмотр серии подобных сосудов позволил установить, что оплетка ставилась только на лопнувшие горшки для предохранения их от дальнейшего разрушения. Починенный таким образом сосуд мог употребляться только для хранения продуктов.

Следует остановиться еще на одной редко встречающейся разновидности красноглиняных горшков, относящейся к концу бытования этой группы керамики. Это горшки с трубчатыми сливами. По форме, орнаментации, обжигу они подобны красноглиняным горшкам XV — начала XVI в. Отличие их в том, что эти сосуды в верхней части имеют косо поставленную трубчатую горловину (табл. 2, 3). Это сосуды для молочных продуктов. В верхней части по плечикам они украшены полосками линейного орнамента. Диаметр горла одного целого сосуда 20 см, диаметр дна 9,2 см, высота 20, 30 см, диаметр трубки горловины сосуда 5,5 см.

В той же технике изготовлялись и красноглиняные кастрюльки с трубчатыми ручками, служившие для разогревания пищи. У них тулово в виде невысокого усеченного конуса с большим основанием наверху. Разница в диаметрах дна и горловины кастрюльки незначительна (табл. 2, 15, 16). Высота красноглиняных кастрюлек устойчива и равна 8—10 см при максимальном диаметре сосуда 14—16 см. Трубчатая глиняная ручка примазывалась к боковой стенке сосуда примерно на середине высоты. Длина ручек зависела от размера сосуда, но редко превышала 8—10 см. Обломки красноглиняных кастрюлек с трубчатыми ручками в значительном числе были найдены при раскопках. Отдельно найденные ручки от красноглиняных кастрюлек встречены в Суздале, Владимире, Вологде, Ярославле. Кастрюльки с ручками найдены вместе с красноглиняными горшками XIV—XV вв. и датируются тем же временем.

Третий тип сосудов, изготовленных в этой технике, — это светильники в виде черпаков. Их диаметр 8—10 см при высоте 3—4 см (табл. 2, 8). Верхний край тулова сосуда загнут внутрь. Черпачки имели ручки из круглого в сечении глиняного валика в виде вертикально поставленной петли или закрученной спирали, которая несколько выступала вверх над обрезом черпака. Сосудики эти были светильниками, и на некоторых из них сохранилась закопченность. Загнутый внутрь край не давал возможности использовать их в качестве ковшика. Корпус светильников готовился на круге, ручка, вылепленная от руки, примазывалась

к сосудику. На ручке одного из светильников обнаружен процарапанный знак в виде креста. Время бытования этих сосудиков — с XIV до начала XVI в.

К этой группе керамики относятся и красноглиняные миски в виде усеченного конуса с большим основанием наверху. Стенки их прямые. Обычный диаметр таких мисок 20—22 см при высоте 10—12 см. Подобного типа миски служили для еды. Они формованы на круге. Несколько обломков мисок найдено при раскопках в Зарядье в слое XV—XVI вв., другие — при раскопках Яузской гончарной слободы.

Красноглиняные кувшины высоких пропорций относительно редко встречаются в Москве и относятся к позднему периоду существования красноглиняной керамики, т. е. к концу XV или к началу XVI в. Кувшины имеют яйцевидное тулово, сравнительно длинную и хорошо выделенную горловину со сливом, ручка овальная в сечении, массивная (табл. 3, 3). Высота их около 30 см. Кувшины обычно не орнаментированы. Красноглиняные кувшины без лощения по поверхности только по формальному признаку могут быть включены в группу красноглиняной керамики. Дело в том, что это один из позднейших вариантов краснолощеной керамики, на которую не нанесено лощение. Подобного типа кувшины с лощением, известные в большом числе, входят в группу краснолощеной керамики и представляют в ней одну из основных форм сосудов. Один целый красноглиняный кувшин без лощения, датируемый началом XVI в., найден при раскопках на Яузе в горне. Несколько десятков обломков подобных кувшинов найдено в Зарядье и Московском Кремле.

В группу красноглиняной керамики должны быть включены и крышки для горшков. Они имеют вид полых конусов небольшой высоты с распластанными краями и петлевидной ручкой в центре с наружной стороны (табл. 2, 11), на наружной поверхности нанесен орнамент в виде концентрических полосок, иногда собранных в зоны. Крышки тонкостенные и формованы на ручном круге. Петлевидная ручка изготовлялась отдельно. Обрез крышки всегда утолщен за счет загиба края вверх. Встречены крышки разных размеров. Чаще всего диаметр их равен 22—25 см.

Кроме бытовой керамики, в той же технике изготовлялась и техническая керамика. Известна она плохо. Изготовление из красной глины керамики, имевшей производственное назначение, продолжалось и в то время, когда бытовая красноглиняная керамика исчезла из обихода москвичей. Здесь цвет изделия роли не играл. При раскопках встретились преимущественно поздние образцы технической керамики, датированные XVI и XVII вв. На территории Яузской гончарной слободы в 1946 г. были найдены обломки большого сосуда технического назначения с толщиной стенок в 3—4 см и высотой не менее полуметра. В нижней части этого сосуда была большая квадратная прорезь, сделанная при изготовлении. Полную форму сосуда составить не удалось. Обломки этого сосуда были использованы гончаром в качестве

капсулы для обжига поливных изделий. На обломках видны прилипшие к ним поливные колечки, испорченные при обжиге. С наружной стороны сосуд украшен рядами косо поставленных насечек. По месту находки и по налипшим поливным колечкам сосуд может быть датирован XVI — первой половиной XVII в.¹⁸

К технической керамике могут быть также отнесены красноглиняные квадратные в плане противни и сковородки. Несколько обломков их найдено при раскопках в Зарядье. Сковородки этого типа имеют петлевидные ручки, похожие на ручки красноглиняных черпаков, но более массивные. Полные размеры их установить не удалось. Высота их 6—7 см. Сосуды эти сделаны на круге, а затем подправлены от руки. Они могут быть датированы началом — серединой XVII в.¹⁹

В той же красноглиняной технике изготовлялись и грузила для сетей, часто встречавшиеся в московском культурном слое. Грузила разных типов, различные по форме и весу, бытовали одновременно. Разные виды красноглиняных грузил появляются в XIV в. и все они бытуют до XVII в. Трудно утверждать, что все разновидности московских грузил являются рыболовными, а в особенности те, которые найдены в слоях XVI в., когда, как известно, большого рыболовства на р. Москве в пределах города не было. Возможно, что поздние по времени грузила употреблялись и в иных целях. По материалам раскопок в Москве можно отметить три разновидности их. Все они леплены от руки. Форма их шаровидная, овальная (яйцевидная) со сквозным отверстием по длинной оси и в виде параллелепипеда со сквозным отверстием в верхней части. Первые обычно бывают хуже прокалены, чем грузила других типов, и потому обычно имеют не красную, а буро-коричневую окраску. Не исключено, что они изготовлялись не гончарами и обжигались в печах, а не в горнах. Шаровидные грузила можно дополнительно разбить на две группы: на грузила правильной шаровидной формы и на грузила слегка уплощенные (табл. 2, 29). У каждого шаровидного грузила был сквозной, круглый в сечении канал диаметром около 1 см или менее того. По размерам шаровидные грузила можно разделить на три группы: большие — с диаметром 4—4,5 см; средние — с диаметром 3—3,5 см; малые — с диаметром около 2,5 см. Наибольшее распространение имели грузила средних размеров. Найденные в Москве красноглиняные шаровидные грузила можно датировать только по находению их в культурном слое города, где они встречаются с XIV по XVII в. В некоторых случаях при раскопках в Зарядье они были найдены группами по несколько штук вместе.

Красноглиняные яйцевидные грузила (табл. 2, 32) менее многочисленны и сильно варьируют по форме и размерам. Как правило, они лучше обожжены, чем шаровидные, что объясняется их меньшей массивностью. Грузила яйцевидной формы по

¹⁸ М. Г. Рабинович, 1964, стр. 171—173.

¹⁹ Найдены в слое вместе с изразцами этого времени.